

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN KOCSLA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-122-126>

«ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ» И «ХОЛОДНЫЙ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.М. КАРАМЗИНА И М.Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА)

Шаврыгин Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»», Москва, Россия, 55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Аннотация. Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей восприятия Салтыковым (Щедриным) творчества Карамзина. Уже в первых повестях Салтыкова видны следы его эстетической полемики с Карамзиным, выразившиеся в переосмыслении фундаментальных представлений о роли природы и воспитания, о значении среды и общества в формировании характера человека. В первой повести «Противоречия» Салтыков (Щедрин) переосмысливает идеи неостоицизма относительно характера человека, достижения им счастья и блаженства, усвоенные и переданные Карамзиным в психологическом очерке «Чувствительный и холодный». Салтыков (Щедрин) приходит к выводу о том, что основное заблуждение стоиков и их последователей заключалось в упрощенном представлении о натуре и характере человека и призывает к необходимости перехода от умозрительных абстрактных просветительских и сентименталистских представлений о человечестве к внимательному и подробному анализу действительной жизни, окружающей каждого конкретного человека и закладывающей основы его личности.

Ключевые слова: жанр, повесть, стоицизм, сюжет, характер, эпиграф, Карамзин, Салтыков-Щедрин.

Для цитирования: Шаврыгин С.М. «Чувствительный» и «холодный» в интерпретации Н.М. Карамзина и М.Е. Салтыкова (Щедрина) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 122–126. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-122-126>

Research Article

“SENSITIVE” AND “COLD” IN THE INTERPRETATION OF NIKOLAY KARAMZIN AND MIKHAIL SALTYSKOV (SHCHEDRIN)

Sergei M. Shavrygin, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology, Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia, 55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Abstract. The purpose of this study is to identify the peculiarities of Mikhail Saltykov-Shchedrin’s perception of Nikolay Karamzin’s creative work. In the first stories by Mikhail Saltykov-Shchedrin, traces of his aesthetic polemic with Nikolay Karamzin are already visible, expressed in a rethinking of fundamental ideas about the role of nature and upbringing, about the importance of the environment and society in the formation of human character. In the first story “Contradictions”, Mikhail Saltykov-Shchedrin rethought the ideas of neo-stoicism regarding character formation, achievement of happiness and bliss, assimilated and transmitted by Nikolay Karamzin in the psychological essay “Sensitive and Cold”. Mikhail Saltykov-Shchedrin concluded that the main misconception of the Stoics and their followers was a simplified idea of the nature and character of a person, and the Russian author called for the need to move from speculative abstract upbringing and sentimentalist ideas about humanity to an attentive and detailed analysis of the actual life surrounding each individual and laying the foundations of its personality.

Keywords: genre, story, Stoicism, plot, character, epigraph, Nikolay Karamzin, Mikhail Saltykov-Shchedrin.

For citation: Shavrygin S.M. “Sensitive” and “cold” in the interpretation of Nikolay Karamzin and Mikhail Saltykov (Shchedrin). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 122–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-122-126>

Одним из способов интерпретации художественного текста является интертекст, смысловая стратегия интертекстуальности направлена на выявление «текста в тексте», лингвоконцептуальное освоение «чужого слова», создание структуры «автор – чужой текст – читатель», за счет чего происходит актуализация и понимание «внутренних» связей текста.

Презумпция интертекстуальности (см.: [Кузьмина: 64–65]) представляет собой характерную черту творческого сознания Салтыкова (Щедрина) (см.: [Бушмин; Строганова; Чернец: Немыкина]), проявившуюся уже в начале писательского пути, в «повести из повседневной жизни» «Противоречия» (1847). В первом крупном прозаическом произведении писателя впервые выразил свое «понимание жизни» [Салтыков (Щедрин) 1: 73].

Повесть репрезентирует эпистолярную форму, характерную для этой эпохи (вспомним роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди», повесть И.С. Тургенева «Переписка», «Письмо из провинции» А.И. Герцена и др.). Одновременно эта жанровая форма сама по себе отсылает читателя к традиции XVIII века, прозе Карамзина и актуализированного им руссоизма, очерчивающего четкие границы для эстетических экспериментов.

Форма письма позволяла вести дружескую беседу, свободно обсуждать как личные, так и актуальные, философские, социальные темы. Когнитивная стратегия автора повести определялась стремлением человека эпохи конца 1840-х годов понять причины и сущность противоречий действительности [Усакина: 401], которые все больше раскрывались в сознании Салтыкова (Щедрина) по мере отказа от юношеских, романтических, идеализирующих представлений о жизни. Писателя волновали не столько социально-экономические, нравственные конфликты, сколько противоположность взглядов, дуализм точек зрения [Лардыгина]. Поиски истоков парадоксальности существования и двойственности человеческого характера приводили писателя к философско-этическому переосмыслению проблемы взаимосвязи природных свойств природы человека и его воспитания, маркирующей идеологию просветительского XVIII века и вновь актуализирующейся на переходе от романтического к позитивистскому миропониманию. Раскрытию этой темы посвящено первое письмо «От Нагибина к г. NN. Село Ряплово».

Художественный мир Салтыкова (Щедрина) предельно антропоцентричен, его архитектурным и смысловым ядром является личность человека в ее психологической и нравственной ипостаси («говорить только о человечестве и забывать о человеке – глупо» [Салтыков (Щедрин): 74]), которые определяют его социальные, культурные, исторические интенции [Андреева].

Писатель интерпретировал антропологические идеи сентиментализма и Карамзина, впервые обратившего внимание на человека, его характер, внутренний мир. Эти темы и определили установку всего творчества Салтыкова (Щедрина) на размышления о нравственно-психологической и социальной природе человека, философской сути бытия, судьбе и предназначении личности.

Сначала учащийся Московского дворянского института, а затем выпускник Александровского (Царскосельского) лицея, Салтыков (Щедрин), безусловно, был хорошо подготовлен по русской словесности и владел представлениями о нравственно-философских идеях автора «Бедной Лизы». В целом обучение в институте и в лицее носило гуманитарно-филологический характер [Макашин: 105]. Творчеству Карамзина уделяли внимание с самого начала и детально. Учебным планом Дворянского института было предусмотрено, наряду с изучением Ломоносова, Кантемира, Крылова, «чтение Карамзина с разбором периодов; подражания из Карамзина и других новейших писателей» [Макашин: 105]. В повести «Противоречия» Салтыков (Щедрин) использует интертекстуальную ироническую переключку со стихотворением Карамзина «Прости» в московском эпизоде праздничного ужина у Вертоградова, мелкого служащего, дочь которого, Маша, поет романс «Кто мог любить так страстно». Погружение лирического текста в низкую пошлую среду свидетельствует о происшедшем трагическом переосмыслении общественным сознанием когда-то авторитетного автора и ироническом отношении к нему автора повести.

Салтыков (Щедрин) с помощью иронии преодолевает жанрово-стилевую инерцию эпистолярной формы XVIII века. Он создает полижанровую структуру, в которой переписка оказывается только видимой оболочкой, скрывающей в себе как сущность единство многожанровых элементов, один из которых (первое письмо Нагибина к г. NN из села Ряплово) и представляет собой нравственно-философский очерк, претекстом которого служит нравственно-психологический и философский очерк Карамзина «Чувствительный и холодный», основные мотивы и идеи которого активно вовлекаются Салтыковым (Щедриным) в смысловое пространство собственного текста и влияют на его формирование.

Прагматическая стратегия интертекстуальности проявляется в переосмыслении писателем жанровой модели, созданной Карамзиным с опорой на роман Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера», и стремлении предложить оригинальное решение активного со- и противопоставления двух характеров, двух психологических типов, скептика-реалиста и романтика [Кудреватых], в пространстве этой философской повести-столкновения.

Поскольку композиционно вся повесть построена на игре антиномиями, скептицизм, даже мизантропизм салтыковского героя, Нагибина, противопоставлен восторженному юношескому романтизму адресата его писем г. NN (возможному alter ego самого Нагибина). При этом карамзинские характеры Леонида (рационального, холодного) и Эраста (чувствительного, эмоционального) чрезвычайно близки Нагибину (разочарованному скептику, материалисту) и г. NN (восторженному романтику) из «Противоречий». Посредством конвергенции как способа реализации прагматической стратегии интертекстуальности Салтыков (Щедрин) иронически стилизует повествование («[письмо] напомнило мне лучшие годы моей молодости, те годы, когда сердце человека, полное трепетных предчувствий, полное неясного и несознанного еще будущего, ко всему стремится, все приемлет... [мы] создаем себе особый мечтательный мир... где по манию нашему являются уставленные яствами столы, являются чудные, светлоокие женщины с распростертыми объятиями, с жгучими поцелуями и неиссякаемою негою в глазах...» [Салтыков (Щедрин) 1: 72–73]) под дискурс Карамзина («Эраст был молод, прекрасен, умен и богат: сколько прав наслаждаться светом! Женщины ласкали его, мужчины ему завидовали: сколько приятностей для сердца и самолюбия! Он сократил вечера для работы, чтобы продлить их для удовольствий общества, находя, что одобрительная улыбка министра не так любезна, как нежная улыбка прелестных женщин» [Карамзин: 745–746]). Кроме того, общим оказывается и концептуальный каркас двух текстов: «молодость», «сердце человека», «любовь», «мечтательный мир» [Карамзин: 745–746; Салтыков (Щедрин) 1: 72–73].

Общими у обоих авторов оказываются темы человеческих характеров, природы, воспитания, представляющие открывающиеся новые ценностные смыслы в плане их со- и противоположения. По сути, в повести разворачивается диалог творческих сознаний и установок, призванный ответить на вопросы: что первично и что определяет личность человека: то, что заложено в нем природой или последующим воспитанием?

В этом аспекте важную структурно-функциональную роль играет эпиграф к повести, представляющий собой стоическую философскую сентенцию Сенеки из трактата «О счастливой жизни»: «Надо пользоваться и руководствоваться законами Природы: ее созерцает и с нею советуется разум; следовательно: жить счастливо – значит жить сообразно с Природой» [Салтыков (Щедрин) 1: 71]. Эпиграф вводит в текст основное семантическое ядро диалога, связанного с концептом «счастье» и путями его достижения. Также он выполняет коммуникативно-прагматиче-

скую роль, притягивает тексты Карамзина и Салтыкова (Щедрин), актуализирует широкий философский и культурологический контекст прежде всего античной стоической мысли, основанной на утверждении, что существование человека всегда согласовано с природой, существует по ее законам и благо человека – подчиниться разуму и природе [Сенека: 19].

Нравственно-психологический опыт Карамзина остается в рамках стоической философии: «Одна природа творит и дает: воспитание только образует» [Карамзин: 740]. Герои Карамзина приобретают счастье и душевное согласие именно благодаря природным качествам их натур и привычке жить в согласии со своими природными характерами.

Нарратив Салтыкова (Щедрин) показывает, как жизнь переворачивает эти представления, писатель подчеркивает растерянность и духовное бессилие персонажей перед разверзнувшейся пропастью жизненных противоречий. Художественный анализ конфликта двух типов сознания: скептически-реалистического и романтического – приводит автора повести к необходимости по крайней мере поставить под сомнение сентенции Сенеки и мысли его последователя, Карамзина, о роли природы в достижении человеческого счастья и блаженства.

В результате Салтыков (Щедрин) в противовес карамзинскому неостоицизму готов согласиться с тем, что именно воспитание определяет мироощущение Нагибина и г. NN. Концепт «воспитание», хорошо известный русскому культурно-историческому, философскому сознанию по трудам русских просветителей XVIII века, переосмысливается Салтыковым (Щедринным). Для него теперь это не спекулятивное, умозрительное домашнее воспитание, как оно осмысливалось просветителями, а вслед за ними и сентименталистами, а воспитание реальной жизнью, «срединой», как пишет Салтыков (Щедрин), то есть той средой, обществом, внешним миром, который окружает человека и заставляет его изучать себя, приспосабливаться, уяснять свои отношения к нему [Салтыков (Щедрин) 1: 75].

Природа, напротив, не помогает человеку достигать основной цели, а вкладывает в человека ту базу противоречий, которые усиливаются на протяжении жизни под внешним влиянием и составляют инерцию человеческого существования.

Для того чтобы показать, как усложняется характер человека, как в нем появляются и реализуются противоположные начала, Салтыков (Щедрин) использует излюбленную карамзинскую модель сюжета: любовный треугольник руссоистского типа. Как и в очерке Карамзина, в повести Салтыкова герои треугольника симметричны, и он зеркально повторяется дважды, но в перевернутом виде. Салтыков не повторяет сюжетных ходов Карамзина, а пароди-

рует их, меня персонажей местами и травестируя их взаимоотношения.

Салтыков (Щедрин) соединяет в главном герое, Нагибине, оба начала: и холодное, и чувствительное. Этим соединением, пониманием того, что человеческое естество гораздо сложнее и противоречивее представлений античности и XVIII века, писатель, с одной стороны, показывает простоту и наивность карамзинской интерпретации неостоицизма, а с другой – в эпоху позитивизма развивает зарождавшийся аналитизм психологической манеры Карамзина, формировавшиеся представления о необходимости через непосредственные переживания человека улавливать глубинную, порой противоречивую сущность человеческой природы.

Список литературы

- Андреева В.Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 13–21. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10191>
- Бушмин А.С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. Москва, 1976. 252 с.
- Карамзин Н.М. Чувствительный и холодный: Избранные сочинения: в 2 т. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 740–754.
- Кудреватых А.Н. «Чувствительный и холодный. Два характера»: новые грани карамзинского психологизма // Вестник ЮУрГГПУ. 2009. № 7. С. 263–272.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Москва, 2009. 272 с.
- Лардыгина О.А. Взаимосвязь темы одиночества и композиции произведения в первой повести М.Е. Салтыкова-Щедрина // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-temy-odinochestva-i-kompozitsii-proizvedeniya-v-pervoy-povesti-m-e-saltykova-schedrina> (дата обращения: 01.08.2023).
- Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Биография. Москва: Художественная литература, 1951. 587 с.
- Немыкина И.В. Поэтика «чужих» образов в прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 21 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Москва: Художественная литература, 1965. Т. 1. 463 с.
- Сенека Л.А. Философские трактаты. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 396 с.
- Строганова Е.Н. Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками. Москва, 1917. 200 с.
- Усакина Т.И. Комментарии: М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия // М.Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч.: в 20 т. Т. 1. С. 401–415.

Чернец Л.В. О типах персонажей в русской литературе XIX века. Москва, 2018. 210 с.

References

- Andreeva V.G. *Chelovek i problema antropotsentriзма v russkom romane vtoroi poloviny XIX veka* [Man and the Problem of Anthropocentrism in the Russian Novel of the Second Half of the 19th Century]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2018, No. 4, pp. 13-21. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10191> (In Russ.)
- Bushmin A.S. *Saltykov-Shchedrin. Iskusstvo satiry* [Saltykov-Shchedrin. The Art of Satire]. Moscow, 1976, 252 p. (In Russ.)
- Chernets L.V. *O tipakh personazhei v russkoi literature XIX veka* [About the types of characters in Russian literature of the XIX century]. Moscow, 2018, 210 p. (In Russ.)
- Karamzin N.M. *Chuvstvitel'nyj i holodnyj* [Sensitive and cold]. *Izbrannye sochinenija: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.]. Moscow, Leningrad, Fiction Publ., 1964, vol. 1, pp. 740-754. (In Russ.)
- Kudrevatyh A.N. «*Chuvstvitel'nyj i holodnyj. Dva haraktera*»: *novye grani karamzinskogo psihologizma* ["Sensitive and cold. Two characters": new facets of Karamzin's psychologism]. *Vestnik JuUrGGPU* [Bulletin of SUSUGPU], 2009, No. 7, pp. 263-272. (In Russ.)
- Kuz'mina N.A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh ehvoljutsii poehticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the processes of poetic language evolution]. Moscow, 2009, 272 p. (In Russ.)
- Lardygina O.A. *Vzaimosvyaz' temy odinochestva i kompozitsii proizvedeniya v pervoi povesti M. E. Saltykova-shchedrina* [The relationship between the theme of loneliness and the composition of the work in the first novel by M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Uchenye zapiski OGU. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of OGU. Ser.: Humanities and social sciences], 2019, No. 1 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-temy-odinochestva-i-kompozitsii-proizvedeniya-v-pervoy-povesti-m-e-saltykova-schedrina> (access date: 01.08.2023). (In Russ.)
- Makashin S.A. *Saltykov-Shchedrin. Biografija* [Saltykov-Shchedrin. Biography]. Moscow, Fiction Publ., 1951, 587 p. (In Russ.)
- Nemykina I.V. *Poehtika «chuzhikh» obrazov v proze M.E. Saltykova-Shchedrina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetry of "alien" images in prose by M.E. Saltykova-Shchedrina]. Voronezh, 2006, 21 p.
- Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochinenij: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Fiction Publ., 1965, vol. 1, 463 p. (In Russ.)
- Seneka L.A. *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises]. St. Petersburg, Aletheia Publ, 2000, 396 p. (In Russ.)

Stroganova E.N. *Roman M.E. Saltykova-Shchedrina «Sovremennaya idilliya»: Dialog s sovremennikami i predshestvennikami* [M.E. Saltykov-Shchedrin's novel "Modern Idyll": A Dialogue with Contemporaries and Predecessors]. Moscow, 1917, 200 p. (In Russ.)

Usakina T.I. *Kommentarii: M.E. Saltykov-Shchedrin. Protivorechiya* [Comments on: M.E. Saltykov-Shchedrin. Controversies]. Saltykov-Shchedrin M.E.

Sobr. soch.: v 20 t. [Collected Works], vol. 1, pp. 401-415. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 11.08.2023.